

УДК 821.161.1

МЕНТАЛЬНЫЕ МАТРИЦЫ РОССИЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ И ИХ ПОВЕДЕНЧЕСКИЕ СЦЕНАРИИ В ЭПОХУ КРИЗИСА (ПОЭТЫ РЕВОЛЮЦИИ: ПРОВИДЦЫ, ПРОТАГОНИСТЫ, ЖЕРТВЫ)

В.М. Гревнев

Аннотация. Автор публикации, посвященной поэтам революционной эпохи, ярким представителям русской культуры и русской ментальности, указывает на общие для них и культуры России коды, включая и коды самоуничтожения, «впечатанные» вместе с кодами созидания в онтологическую матрицу России. В статье объединены два дискурса, филологический и культурологический. Поэты начала XX века, будучи приверженцами новаторских идей, кардинально повлияли на судьбы отечественной и мировой культуры. В то же время они оставались носителями национальной ментальности, включающей в себя любовь к родине, милосердие, национальное мессианство, различные формы религиозности и безбожие, эсхатологизм восприятия мира.

Концептуальная основа публикации – труды современных филологов и культурологов: Ю.М. Лотмана, И.Л. Бражникова, В.С. Баевского, Н.Г. Меркуловой, Н.В. Худолей, Н.А. Сибирцевой, У. Эко и Р. Барта. В работе использовались общенаучные методы исследования: наблюдение над текстом, анализ, синтез. Также применялись исторический и мотивный методы.

Жизнь и творчество поэтов революционной эпохи, с одной стороны, это свидетельство духовного подвижничества. С другой – образец устойчивости ментальной матрицы народа России.

Практическая значимость статьи состоит в демонстрации возможностей кросс-культурного подхода при исследовании ключевых фигур (и ключевых текстов) современной культуры, а также в выявлении ментальных аспектов творчества представителей Серебряного века русской литературы.

Ключевые слова: *Октябрьская революция, культурные коды, культурная идентичность, «взрыв культуры», отечественная литература.*

Выражая солидарность в отношении реальности культурного кода как объекта и предмета рефлексий, исследователи и донныне не пришли к единству в разработке понятийного аппарата и терминологии, вполне соответствующих феномену кода. Воспринимая этот факт как, безусловно, позитивный, автор считает, что, благодаря отсутствию инвариантности и методологической нормативности, исследователь получает немалую свободу для продуктивных изысканий и умозаключений. Стремление к определенности и доказательности не исключает, как мы понимаем, некоторой вариативности суждений и терминов. В мире науки не существует единого мнения не только в отношении культурного кода, но и собственно культуры. В качестве своеобразной иллюстрации сказанному приведем кажущееся на первый взгляд парадоксальным высказывание Умберто Эко: «Культура есть по преимуществу коммуникация» [Эко, 1998, с. 203]. Кроме всего прочего, этим универсальным определением подтверждается и подчер-

кивается уникальная роль кодов, без которых коммуникация немислима. Неожиданным уже в силу своей простоты кажется и утверждение Ролана Барта, определившего культурный код как «отголоски того, что уже было читано, видано, сделано, пережито; <...> код – это след прошлого» [Барт, 1989, с. 39].

По словам Н.В. Худолей, владение культурным кодом помогает не только понять культурные особенности нации, но и выстраивать стратегии национального развития в будущем [Худолей, 2014]. Исследователь утверждает: «Культурный код определяет набор образов, которые связаны с каким-либо комплексом стереотипов в сознании. Это культурное бессознательное – не то, что четко говорится или осознается, а то, что скрыто от понимания, но проявляется в поступках» [Там же]. То есть в некотором смысле тайнопись (code word), требующая расшифровки, что, надо полагать, не совсем корректно по отношению к культуре, предполагающей определенную открытость и свободу интерпретаций. Автор считает, что в большей степени сущности кодов соответствует следующее высказывание: «Каждая эпоха предлагает свой набор культурных кодов, открытых к изменениям и порождению новых культурных смыслов и кодов» [Симбирцева, 2016].

В письменном культурном типе, по словам Н.В. Худолей, основным культурным кодом является текст: «Текст порожден контекстом языка и служит его иллюстрацией, <...> он связан с языковым кодом национально-культурного сообщества, и через этот код непосредственно коррелирует с культурой нации. Ядром же книжного культурного типа являются классические тексты <...> такие, которые формируют культурный код нации» [Худолей, 2013, с. 228–230]. Автор вполне разделяет эту точку зрения, выражая согласие и с конгениальным высказыванием Н.Г. Меркуловой, определяющей культурный код как «набор основных понятий, установок, ценностей и норм, который входит в структуру ментальности конкретной человеческой общности» [Меркулова, 2015].

Строго говоря, культурные матрицы русских, и простых обывателей, и великих поэтов, представлены одними и теми же элементами. Однако поэты революционной эпохи, кроме литературного таланта, обладали еще способностью к созданию новых форм и смыслов, причем планетарного масштаба, и, что характерно для части из них, еще и профетическим даром.

В литературе революционной поры особое, поистине знаковое место занимает пьеса «Закат» И.Э. Бабеля. В образно-символическом плане закат означает предвестие бури. Багряный закат – это угасание и смерть дневной жизни, явление столь же естественное, как и ее возрождение с утренней зарей. Образчик гиперболического реализма социальная драма «Закат», вопреки господствующему мнению, это не только традиционная для мировой литературы тема отцов и детей. В пьесе закатом завершается привычная мирная жизнь и начинается кровавая беспощадная революция, которой несть конца. Произведение было опубликовано в журнале «Новый мир» в 1928 году. Думается, что к тому времени Бабель уже не строил в отношении революции гуманистических иллюзий, о чем свидетельствует и тревожная, полная трагических предчувствий атмосфера «Заката».

Ю.М. Лотман в книге «Культура и взрыв» вскрывает разрушительную сущность революции, определяемую в значительной степени духовно-ментальными традициями России: «Для русской культуры, с ее бинарной структурой, в отличие от западной, тернарной, характерна совершенно иная самооценка. <...> На уровне самосознания мы сталкиваемся с идеей полного уничтожения предшествующего развития и апокалипсического рождения нового. <...> Теоретики марксизма писали, что переход от капитализма к социализму будет иметь характер взрыва. Это обосновывалось тем, что <...> социализм начинает совершенно новый период, и зарождение его возможно лишь на развалинах, а не в лоне предшествующей истории...» [Лотман, 1992, с. 268–269]. Опираясь на культурно-исторические данные, Юрий Лотман приходит к выводу: «Русская культура осознает себя в категориях взрыва» [Там же, с. 269].

Подыскивая метафоры, иллюстрирующие роль, значение и судьбу поэта в кромешной круговерти смертельных страстей, именуемых революцией, нельзя обойти вниманием чеканные строки А. Вознесенского (поэма «Мастера», 1959): «Художник первородный – // Всегда трибун. // В нем дух переворота // И вечно – бунт» [Вознесенский]. Но они посвящены творцам всех времен, не только революционных. Отчаянное, гибельное и бесплодное подчас бунтарство, надо признать, это составная часть и русской ментальности, и кодов русской литературы.

Действительно, список имен ключевых фигур художественной культуры России революционной эпохи – это мартиролог бунтарей и ниспровергателей, но также и творцов негромких, сокровенных, сгоревших вместе с громогласными трибунами в огне революции и во славу революции. Это траурный перечень умученных в лагерях, сосланных в дальние края и эмигрировавших на чужбину, а также вынужденных в своем Отечестве замолчать навеки, впасть в немочу. Иным этот список и быть не мог, ибо Сатурн непременно пожирает своих детей. Это в равной мере относится и к русскому дервишу, кудеснику самовитого слова, неприкаянному, блаженному Велимиру Хлебникову, и к аристократу духа, утонченному Александру Блоку. Истинным пророкам и героям революции.

Строго говоря, большинство русских литераторов, включая и декадентов, к революции отнеслись враждебно, предрекая катастрофические последствия правления большевиков, социально-политических реконструкций и реформ, проводимых почти исключительно силовым путем. Одной из первых на события Октября откликнулась Зинаида Гиппиус: «Смеются дьяволы и псы над рабьей свалкой, // Смеются пушки, разевая рты. // И скоро в старый хлев ты будешь загнан палкой, // Народ, не уважающий святынь» [Гиппиус]. Нельзя не вспомнить и о дальновидности Дмитрия Мережковского, опубликовавшего еще в 1906 году сборник публицистики «Грядущий Хам». Хамом Мережковский именовал «грядущего на царство мещанина», видя в нем необоримую, всевластную, губительную для России силу.

Насколько трезв был в оценке революции один из столпов отечественной словесности Александр Блок? В.С. Баевский пишет: «Революция убила Гумилева,

Ходасевича выдворила из России в эмиграцию. Ахматова, Пастернак, Мандельштам в соприкосновении с ней и в противостоянии ей создали такую поэзию преодоления, какую вряд ли можно было ожидать в более спокойные времена. Блока революция погубила. “Слопала-таки поганая, гугнивая, родимая матушка Россия, как чушка своего поросенка”, – написал поэт за два месяца до смерти К.И. Чуковскому» [Баевский, 1994, с. 207]. Как мы видим, оценивал и трезво, и своевременно, не избежав, однако, фатальной гибели.

Поэма «Двенадцать», завершающая творческий путь Блока, многими воспринимается как гимн большевизму. Развенчивая это суждение, Макс Волошин еще в 1918 году выступил с филиппикой, равной по силе слога и смысловой точности пророческим высказываниям Зинаиды Гиппиус [Гиппиус] и Дмитрия Мережковского: «Говорят, что Блок – большевик, <...> не думаю, чтобы он мог быть большевиком <...> по существу, потому что какое дело такому поэту, как Блок, до остервенелой борьбы двух таких далеких ему человеческих классов, как буржуазия и пролетариат <...>, которые друг на друга <...> похожи как жадностью к материальным благам <...>, так и своим невежеством, косностью и полным отсутствием идеи духовной свободы» [6].

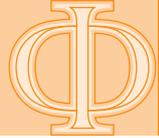
Интересные доводы в отношении революционности Блока и необъяснимой загадки присутствия Христа в первой революционной поэме России приводит И.Л. Бражников: «Факт принятия Блоком революции и факт появления Христа в конце “Двенадцати” лежат в разных плоскостях. Революцию Блок принял как судьбу – свою и России (он их, впрочем, не разделял уже с момента создания цикла “На поле Куликовом”). Христа же Блок именно увидел. Увидел смутно и потому придал ему “наполовину литературный” вид, как скажет потом Блок» [Пощечина..., с. 163].

Исследователь обращает внимание на то, что черно-бело-красная палитра первой части становится бело-красной в заключительной строфе. И белый, и красный цвета святости, цвета мученичества и жертвенности. Красный – цвет пролитой крови на земле, белый – цвет новых одежд в Царствии Небесном. Потому «кровавый флаг» не нарушает гармоничности блоковского образа, оба цвета присущи иконографии Христа, они предвосхищают гражданскую войну, делает смелый вывод И.Л. Бражников, убежденный в том, что «примирение красных и белых возможно только во Христе, и это совершенно явственное послание поэмы» [Там же, с. 171]. Более того, исследователь убежден в том, что в определенном контексте и условиях революция может закономерно восприниматься как откровение, апокалипсис [Там же, с. 109]. Думается, что, в отличие от приведенного выше высказывания исследователя, это утверждение бесспорно. Очевидно, прав автор и в том, что «революционное мироощущение может прямо вытекать из эсхатологических переживаний конечности мира и неизбежности его преображения – восприятие характерное для Блока, Волошина, Белого в конце 10 – начале 20-х гг.» [Там же].

Родоначальник кубофутуризма гениальный Велимир Хлебников воспринимал революцию как стихию, волю вольную, упоительную и безбрежную. В качестве примера приведем цитату из поэтической отповеди нэпу «Не шалить» (февраль 1922 г.; год смерти поэта): «Эй, молодчики-купчики, // Ветерок в голове! // В пугачевском тулупчике // Я иду по Москве!» [Худолей, 2013, с. 174]. «Рожденный революцией» поэт Хлебников, собственно говоря, сам и есть революция. Ошибочно думать, что он всего только ее порождение и лишь отчасти олицетворение, — он именно и плоть, и кровь, и дух ее. Но как революционер (не разрушитель, но созидатель — новатор и переустроитель) Хлебников родился задолго до Октября. В 1912 году (диалог «Учитель и ученик») поэт точно назвал год революции. В числе прочих футурологических свершений описал архитектуру города будущего, в частности «дворцы-книги» («Город будущего». 1920). В этом смысле феноменальна и работа Хлебникова «Радио будущего» (1921), где поэтом фактически «материализуется» Интернет. Заметим также, что пророческий дар будетлянина Хлебникова сочетался в нем с уникальными математическими способностями (трактат «Доски судьбы», изданный в 1922–1923 гг.).

Напомним, что основные принципы футуризма были сформулированы впервые в манифесте, опубликованном в сборнике «Пощечина общественному вкусу» (1912): «Прошлое тесно. Академия и Пушкин непонятнее иероглифов. Бросить Пушкина, Достоевского, Толстого и проч. и проч. с Парохода современности» [Пощечина...]. Думается, что на отсутствие пиетета по отношению к реформатору русского языка Пушкину новатор Хлебников имел некоторое право, ибо, образно говоря, «солнышко русской поэзии» творчески его не грело. Хлебников решительно отказался от силлабо-тонического стихосложения. Он, как тонко заметил В. Баевский, «не принял на веру ни одного слова, отнесся к языку и к стиху как к неготовой, живой субстанции, пересоздал поэтическую фонему, лексический запас, словообразование, морфологию, синтаксис» [Баевский, 1994, с. 223]. Смерть, предсказанная им годами раньше, постигла поэта и «Председателя Земного шара» в 37 лет.

Провидцем и страстным обожателем революции был и В.В. Маяковский. В поэме «Облако в штанах» (1914–1915) поэт предрекает: «В терновом венце революции грянет шестнадцатый год». Ошибся на один год. Но роковой, убийственной для него ошибкой стало другое — близость к большевикам, Кремлю и Лубянке. Маяковский периода ЛЕФ, где сложилась теория «социального заказа», — это скорее политический деятель и специалист политической рекламы, агитации и пропаганды, нежели поэт, равный своему дарованию. Подлинно революционными достижениями Маяковского было не сервильное по своей сути идеологическое служение ВКП (б), а поэтическое новаторство. К примеру, бесподобное владение принципами остранения. Поэт вернулся к ораторской интонации, которая после эпохи классицизма утратила главенствующее положение. Однако «если у Ломоносова это выражалось в одическом четырехстопном ямбе, то Маяковский создал новую систему стихосложения — акцентный стих, в котором между удар-

ными слогами может быть любое количество безударных (до семи)» [Баевский, 1994, с. 228]. Приведем цитату из шедевра раннего периода творчества «Нате!» (1914): «Через час отсюда в чистый переулочек // вытечет по человеку ваш обрюзгший жир, // а я вам открыл столько стихов шкатулочек, // я – бесценных слов мот и транжир» [Маяковский, 1978, с. 86].

Как воспринимал революцию Исаак Бабель – поэт безукоризненного вкуса, не написавший, кажется, ни одной стихотворной строчки? Был ли он певцом Октября, Гражданской войны, коллективизации и индустриализации СССР? В рассказе «Гедали» (1924) из цикла «Конармия» житомирский лавочник старик Гедали обращается к конармейцу Лютову (прототипом которого был сам писатель):

– «Да», кричу я революции, «да», кричу я ей, но она прячется от Гедали и высылает вперед только стрельбу...

– В закрывшиеся глаза не входит солнце, – отвечаю я старику, – но мы распорем закрывшиеся глаза... [Бабель, 1996, с. 31].

Действительно, долгие годы Бабель был активным апологетом и отчасти даже романтиком революции. Она умертвила его в 1940 году, поквитавшись за высказанную им жестокую правду о времени и о себе. Художественная правда, по мнению власти имущей, не менее опасна, чем исторический документ.

Но были среди поэтов этого периода и те, кто **всегда** плыл против течения. К примеру, пылающий черным огнем революционер Владимир Нарбут. Имевший, надо сказать, заслуги не только перед отечественной словесностью, но и перед большевиками-безбожниками. Книга стихов «Аллилуйя» (1912) как кощунственная была сожжена по решению Святейшего синода. Валентин Катаев писал в книге «Алмазный мой венец», что Нарбут умудрялся создавать строчки шестистопного ямба без цезуры, так что тонический стих превращался у него в архаическую силлабику Кантемира. Революционность творческая сочеталась в нем с политической ангажированностью. «Он был мелкопоместный демон, отвергнутый богом революции. Но его душа тяготела к этому богу» [Катаев]. Нарбут в политике начинал как эсер. Воевал на стороне большевиков. Имел тяжелейшие ранения. Прочитируем полные горечи, по сути, автобиографические стихи поэта из книги «Плоть» (1913): «Молчите, твари! И меня прикончит, // по рукоять вогнав клинок, тоска, // и будет выть и рыскать сукой гончей // душа моя ребенка-старичка» [Нарбут]. Смерть он примет, как и предрекал в стихах, насильственную, страшную уже своей предрешимостью. В 1938 году его расстреляют.

Полагаем, что среди родовых черт поэтов Серебряного века, кроме уникального дара «глаголом жечь сердца людей», столь же ярко проявился и дар предвидения. Своей судьбы, как в случае с Нарбутом, Цветаевой и Есениным, как в случае с Гумилевым, написавшим в 1917 году пророческое: «И умру я не на постели, // При нотариусе и враче, // А в какой-нибудь дикой щели, // Утонувшей в густом плюще» [Гумилев]. И судеб мира, как в случае с Хлебниковым и Волошиным.

Исходя из посыла, что культура изобилует разного рода кодами, можно предположить, что в качестве кодовых единиц ментальной (онтологической) ма-

трицы России выступают такие черты и качества русского народа, как любовь к родине, милосердие, обостренное чувство справедливости, жертвенность, толерантность и веротерпимость. Состоящие в гармонической связи с национальным мессианством, религиозностью, включая и стихийную, и одновременно гностицизмом, суеверностью и безбожием, катастрофизмом и эсхатологизмом восприятия мира, – вместе с вековой покорностью и дремлющим до поры духом бунтарства, они образуют причудливые культурно-ментальные комбинации, свойственные только народу России.

Поэты революционной поры – не рядовые участники литературного процесса, фатально и счастливо совпавшего с величайшим из событий мировой истории, – они подлинные властители дум человеческих, акторы большой истории, ее творцы и мученики. Код и плоть культуры связаны нерасторжимо между собой, поэтому самые талантливые из поэтов революционного периода истории отечественной литературы были и протагонистами и антагонистами революции, ее героями и жертвами – творцами, хранителями и носителями культурных кодов России. Ментальные матрицы отечественной культуры, испытанные на прочность в условиях общественно-политических кризисов XX века и доныне не утратили субъектной основательности и действенной силы, сохраняя духовный гомеостаз нации.

Библиографический список

1. Бабель И.Э. Сочинения: в 2 т. М.: ТЕРРА, 1996. Т. 2. 632 с.
2. Баевский В.С. История русской поэзии: 1730–1980 гг. Компендиум. Смоленск: Русич, 1994. 304 с.
3. Барт Р. Избранные работы: Семиотика: Поэтика. М.: Прогресс, 1989. 616 с.
4. Бражников И.Л. Русская литература XIX–XX веков: монография. М.: МПГУ, 2011. 240 с.
5. Вознесенский А.А. Мастера [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ruthenia.ru/60s/voznnes/mastera/> (дата обращения: 10.12.2017).
6. Волошин М.А. Поэзия и революция. Александр Блок и Илья Эренбург // Литература и жизнь. Библиотека [Электронный ресурс]. URL: http://dugward.ru/library/voloshin/voloshin_poeziya_i_revoluciya.html (дата обращения: 10.12.2017).
7. Гиппиус З.Н. Веселье // World-Art [Электронный ресурс]. URL: <http://www.world-art.ru/lyric/lyric.php?id=9173> (дата обращения: 10.12.2017).
8. Гумилев Н.С. Я и Вы // Николай Гумилев. Электронное собрание сочинений [Электронный ресурс]. URL: <https://gumilev.ru/verses/83/> (дата обращения: 10.12.2017).
9. Катаев В.П. Алмазный мой венец // Литературный клуб. В.П. Катаев [Электронный ресурс]. URL: <http://www.valentinkataev.ru/content/view/670/476/> (дата обращения: 10.12.2017).
10. Лотман Ю.М. Культура и взрыв. М.: Гнозис; Прогресс, 1992. 272 с.
11. Маяковский В.В. Собрание сочинений: в 12 т. М.: Правда, 1978. Т. 1. 432 с.
12. Меркулова Н.Г. Менталитет – Культурный код – язык культуры: к вопросу о корреляции понятий // Регионология. 2015. № 2 [Электронный ресурс]. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/mentalitet-kulturnyy-kod-yazyk-kultury-k-voprosu-o-korrelyatsii-ponyatiy#ixzz4haYQhCh3> (дата обращения: 10.12.2017).
13. Нарбут В.И. Плоть // Вечерний Гондольер. Библиотека [Электронный ресурс]. URL: http://gondolier.ru/biblio/narbut/narbut4_1.html (дата обращения: 10.12.2017).

14. Пощечина общественному вкусу. В защиту свободного искусства. Стихи. Проза. Статьи // Rarurs's Gallery [Электронный ресурс]. URL: <http://www.raruss.ru/avant-garde/2468-poshchchina-obshchestvennomu-vkusu.html> (дата обращения: 10.12.2017).
15. Симбирцева Н.А. Код культуры как культурологическая категория // Знание. Понимание. Умение. 2016. № 1 [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kod-kultury-kak-kulturologicheskaya-kategoriya> (дата обращения: 10.12.2017).
16. Хлебников Велимир. Творения. М.: Советский писатель, 1986. 736 с.
17. Худолей Н.В. Культурный литературный код современного российского читателя // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. 2014. № 4 (29-1) [Электронный ресурс]. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/kulturnyy-literaturnyy-kod-sovremennogo-rossiyskogo-chitatelya#ixzz4hablBiiC> (дата обращения: 10.12.2017).
18. Худолей Н.В. Художественный текст как транслятор культурного кода нации // Проблемы современной аграрной науки. Красноярск: Краснояр. гос. аграр. ун-т, 2013. С. 228–230.
19. Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию / пер. А.Г. Погоняйло и В.Г. Резник; ред. М.Г. Ермакова. СПб.: Петрополис, 1998. 432 с.

Сведения об авторе

Гревнев Владимир Михайлович – аспирант кафедры философии и культурологии, Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов; e-mail: sofer2002@gmail.com

MENTAL MATRICES OF RUSSIAN CULTURE AND THEIR BEHAVIOURAL SCENARIOS DURING THE TIMES OF CRISIS (POETS OF THE REVOLUTION: PREDICTORS, PROTAGONISTS, VICTIMS)

V.M. Grevnev

Abstract

The author of this article, devoted to poets of the revolutionary times, the bright representatives of Russian culture and mentality, points out the general for them and Russian culture codes, including those of self-destruction, “imprinted” together with the codes of creation into some kind of ontological matrix of Russia. In the article two discourses, philological and culturological have been integrated. Recognized masters of words of the beginning of the 20th century, being adherents of the innovative ideas in literature, have cardinally affected the fate of domestic and world culture. At the same time they remained carriers of the national mentality which is most brightly shown in literary creativity. The immanent qualities of the Russian mentality which thanks to poets have found the status of a spiritual quintessence of Russian have found the expression in their poetry.

Proving the concept of a research, the author gives excerpts from publications of modern philologists and culturologists of Russia and Europe: Y.M. Lotman, I.L. Brazhnikov, V.S. Bayevsky, N.G. Merkulova, N.V. Hudoley, N.A. Simbirtseva, U. Eko and R. Bart. In the work general scientific methods of a research were used: observation over the text, the analysis, synthesis. Also comparative and historical, biographic and motive methods were applied.

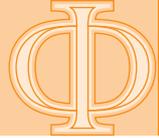
Life and works of poets of the revolutionary era, on the one hand, is eloquent evidence of spiritual self-sacrifice and moral obligation. On the other hand - an example of stability of mental matrix of the people of Russia.

The practical importance of article consists in demonstration of opportunities of cross-cultural approach to the research of key figures (and key texts) of modern culture and also of identification of mental aspects of creativity of representatives of the Silver age of the Russian literature.

Key words: *culture codes, the October Revolution, cultural identity, “the cultural explosion”, native literature.*

Bibliograficheskiy spisok

1. Babel' I. EH. Sochineniya. V 2 t. M.: TERRA, 1996. T. 2. 632 c.
2. Baevskij V.S. Istoriya russkoj poehzii: 1730–1980 gg. Kompendium. Smolensk: Rusich, 1994. 304 c.
3. Bart R. Izbrannye raboty: Semiotika: Poehtika. M.: Progress, 1989. 616 s.
4. Brazhnikov I.L. Russkaya literatura XIX–XX vekov. Monografiya. M.: MPGU, 2011. 240 s.
5. Voznesenskij A.A. Mastera [Elektronnyj resurs]. URL: <http://www.ruthenia.ru/60s/vozn/mas-tera/> (data obrashcheniya: 10.12.2017).
6. Voloshin M.A. Poehziya i revolyuciya. Aleksandr Blok i Il'ya Erenburg // Literatura i zhizn'. Biblioteka [Elektronnyj resurs]. URL: http://dugward.ru/library/voloshin/voloshin_poeziya_i_revolyuciya.html (data obrashcheniya: 10.12.2017).
7. Gippius Z.N. Vesel'e // World-Art [Elektronnyj resurs]. URL: <http://www.world-art.ru/lyric/lyric.php?id=9173> (data obrashcheniya: 10.12.2017).

8. Gumilyov N. S. YA i Vy // Nikolaj Gumilyov. Elektronnoe sobranie sochinenij [Elektronnyj resurs]. URL: <https://gumilev.ru/verses/83/> (data obrashcheniya: 10.12.2017).
9. Kataev V.P. Almaznyj moj venec // Literaturnyj klub. V.P. Kataev [Elektronnyj resurs]. URL: <http://www.valentinkataev.ru/content/view/670/476/> (data obrashcheniya: 10.12.2017).
10. Lotman YU. M. Kul'tura i vzryv. M.: Gnozis; Progress, 1992. 272 s.
11. Mayakovskij V.V. Sobranie sochinenij v 12 t. T. 1. M.: Pravda, 1978. 432 s.
12. Merkulova N.G. Mentalitet Kul'turnyj kod YAzyk kul'tury: k voprosu o korrelyacii ponyatij // Regionologiya. 2015. № 2. [Elektronnyj resurs]. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/mentalitet-kulturnyy-kod-yazyk-kul'tury-k-voprosu-o-korrelyatsii-ponyatij#ixzz4haYQhCh3> (data obrashcheniya: 10.12.2017).
13. Narbut V.I. Plot' // Vechernij Gondol'er. Biblioteka [Elektronnyj resurs]. URL: http://gondolier.ru/biblio/narbut/narbut4_1.html (data obrashcheniya: 10.12.2017).
14. Poshchyochina obshchestvennomu vkusu. V zashchitu svobodnogo iskusstva. Stihi. Proza. Stat'i // Rarurs's Gallery [Elektronnyj resurs]. URL: <http://www.raruss.ru/avant-garde/2468-poshchchina-obshchestvennomu-vkusu.html> (data obrashcheniya: 10.12.2017).
15. Simbirceva N.A. Kod kul'tury kak kul'turologicheskaya kategoriya // Znanie. Ponimanie. Umenie, 2016. № 1 [Elektronnyj resurs]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kod-kul'tury-kak-kul'turologicheskaya-kategoriya> (data obrashcheniya: 10.12.2017).
16. Hlebnikov Velimir. Tvoreniya. M.: Sovetskij pisatel', 1986. 736 s.
17. Hudolej N.V. Kul'turnyj literaturnyj kod sovremennogo rossijskogo chitatelya // Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv, 2014. № 4 (29-1) [Elektronnyj resurs]. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/kulturnyy-literaturnyy-kod-sovremennogo-rossijskogo-chitatelya#ixzz4hablBiiC> (data obrashcheniya: 10.12.2017).
18. Hudolej N. V. Hudozhestvennyj tekst kak translyator kul'turnogo koda natsii // Problemy sovremennoj agrarnoj nauki. Krasnoyarsk: Krasnoyar. gos. agrar. un-t., 2013. S. 228-230.
19. EHko U. Otsutstvuyushchaya struktura. Vvedenie v semiologiyu / per. A.G. Pogonyajlo i V.G. Reznik; red. M.G. Ermakova. SPb.: Petropolis, 1998. 432 s.

About the author

Vladimir Mihaylovich Grevnev – Postgraduate, the department of Philosophy and Culturology of Saint Petersburg Humanitarian Trade-Union University; e-mail: sofer2002@gmail.com